

ПРИПИСЫВАНИЕ ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНЫХ УСТАНОВОК *de re* КАК СРЕДСТВО УБЕЖДЕНИЯ

Д. Б. Тискин¹, К. Г. Фролов²

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
Россия, 236041, Калининград, ул. Александра Невского, д. 14;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Санкт-Петербург),

Россия, 190121, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16
² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия, 109028, Москва, Покровский бульвар, д. 11
Поступила в редакцию: 28.03.2023 г.
Принята к публикации: 17.06.2023 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-4

Приписывание пропозициональных установок de re в риторических целях представляет собой произнесение высказывания с модальностью, в рамках которого говорящим сознательно используется дескрипция объекта пропозициональной установки, заведомо недоступная носителю этой пропозициональной установки. Выявление класса риторических de re ставит перед нами два вопроса, поиск ответов на которые представляет собой основную задачу данного исследования. (1) Произносит ли говорящий в случае употребления им риторического de re ложное в теоретико-модельном смысле суждение? (2) Обоснованно ли отнесение риторических de re к числу риторических уловок, вводящих адресата в заблуждение?

Авторы утверждают и доказывают, что на первый вопрос допустим утвердительный ответ, тогда как на второй следует отвечать отрицательно. Решение вопроса о том, является ли тот или иной случай риторического de re уловкой и манипуляцией, зависит не от того, будет ли произносимое суждение заведомо ложным для говорящего, а от того, будет ли оно для него заведомо неприемлемым. В случае, когда сам говорящий оценивает приводимый им довод в качестве приемлемого, нет никаких оснований признавать такое коммуникативное действие уловкой или манипуляцией вне зависимости от того, каково теоретико-модельное истинностное значение произнесенного говорящим суждения. Таким образом, традиционно признаваемые истинностный и восходящий к работам Фреге эпистемологический аспекты интерпретации высказываний об установках должны быть дополнены риторическим аспектом.

Ключевые слова: семантика, пропозициональные установки, интенциональные контексты, практическая аргументация, истинность, приемлемость

Введение

Неоднозначности в высказываниях с интенциональными операторами, такими как глаголы пропозициональных установок или модальные термины типа *необходимо*, с рубежа XIX—XX веков являются привычным объектом семантического исследования. Например:

(1) Необходимо, что император Японии является сыном предыдущего императора.

(2) Маша думает, что император Японии — китаец.

Хорошо известно, что предложение (1) может быть интерпретировано как минимум двояко (Quine, 1953). С одной стороны, оно может быть истолковано как утверждающее необходимость для любого японского императора быть сыном предыдущего (что неверно). С другой — оно же может быть интерпретировано как утверждение о том, что нынешний император с необходимостью является сыном предыдущего. Такая необходимость в данном случае предполагает, что происхождение от данных родителей представляет собой неотъемлемое, существенное свойство личности (ср.: Kripke, 1980, p. 112). Первую из названных интерпретаций называют *de dicto*, вторую — *de re*.

Утверждение (2) также может пониматься несколькими способами (Quine, 1956). Либо *de dicto*: Маша думает, что, кто бы ни был японским императором, он китаец. Возможно, она просто не знает, что Япония не часть Китая. Либо *de re*: Маша полагает о конкретном человеке, Нарухито, которому случилось быть императором Японии (чего Маша может и не знать), что он китаец. Обширная литература (Fodor, 1970; Schwager, 2009; Schwarz, 2012; Demirok, 2019; Percus, 2021 и др.) посвящена возможности иных интерпретаций примеров типа (2). Например, такой, в рамках которой Маша может полагать, что глава японского государства, кто бы он ни был, — китаец, не зная при этом, что главой японского государства является император.

Чаще всего исследование неоднозначностей, характерных для модальных контекстов, касается того, какие интерпретации оказываются возможными и уместными в зависимости от тех или иных синтаксических или прагматических условий. Другое направление исследований — установление того, на каких основаниях адресат выбирает одну из синтаксически возможных интерпретаций, исходя из допущения о том, что интерпретируемая решлика была кооперативна (ср. для случаев неоднозначного разрешения анафоры и неоднозначной трактовки отрицания в: (Долгоруков, 2015, с. 40–56)).

Однако очевидно, что выбор между различными коммуникативными стратегиями осуществляет не только адресат, но и говорящий, то есть тот, кто избирает в качестве способа выражения своих мыслей ту или иную логическую форму приписывания пропозициональной установки. Так, в примере выше говорящий мог бы охарактеризовать установку Маши следующим образом:

(2') Маша думает, что тот, о ком она думает и кто на самом деле император Японии, — китаец.

При этом выбор говорящего в пользу приписывания агенту пропозициональной установки *de re* по типу (2), а не (2') может быть продиктован не только стремлением к экономии затрачиваемых выразительных средств, но и стремлением к достижению особого воздействия на аудиторию или отдельного слушателя. Такого рода случаи приписывания пропозициональных установок *de re* мы предлагаем называть *риторическими de re*. Мы определяем их следующим образом: риторические *de re* — это такие приписывания пропозициональных установок *de re*, в

рамках которых говорящий в риторических целях использует такое обозначение объекта пропозициональной установки, которое заведомо недоступно носителю этой пропозициональной установки.

Выявление класса риторических *de re* ставит перед нами два вопроса, поиск ответов на которые стал основной задачей данного исследования. Эти вопросы таковы.

(I) Произносит ли говорящий в случае употребления им риторического *de re* ложное в теоретико-модельном смысле суждение?

(II) Обоснованно ли отнесение риторических *de re* к числу риторических уловок, способных эффективным образом вводить адресата в заблуждение?

Наш основной тезис заключается в том, что использование говорящим риторических *de re* представляет собой технику достижения определенного риторического и прагматического результата — убеждения. Такая прагматическая цель заведомо отлична от цели корректного информирования адресата о содержании той или иной пропозициональной установки некоторого агента.

Структура статьи такова. В первом разделе обсуждается данное выше определение риторических *de re* и показывается, что интересующие нас употребления образуют класс, обычно не выделяемый в теориях интерпретации высказываний об установках. Во втором разделе мы представим некоторые современные подходы к интерпретации модальных контекстов *de re*. В третьем разделе мы рассмотрим возможные риторические эффекты, возникающие при приписывании говорящим пропозициональных установок *de re*. Уместно предположить, что эти эффекты неслучайны, и стремление к их возникновению может служить основанием для говорящего избрать именно такую форму выражения своих мыслей. Наконец, в четвертом разделе будет дан ответ на вопрос о том, следует ли относить риторические *de re* к формам корректной коммуникации или же их использование представляет собой уловку, достигающую своей цели негодными средствами.

1. От идей Фреге к идее континуума интеграции

Возможность терминологических трансформаций при передаче в косвенной речи чужих пропозициональных установок была известна еще Г. Фреге. Он пишет:

В предложении «Бебель воображает, будто посредством возврата Эльзас-Лотарингии можно ослабить реваншистские устремления Франции» выражены две мысли, про которые неверно было бы сказать, что одна из них принадлежит главному, а другая — придаточному предложению; эти две мысли таковы:

- 1) Бебель думает, что посредством возврата Эльзас-Лотарингии можно ослабить реваншистские устремления Франции;
- 2) посредством возврата Эльзас-Лотарингии реваншистские устремления Франции не могут быть ослаблены (Фреге, 2000, с. 244 – 245).

Здесь говорящему известны факты 1) и 2), на основании знания которых он формулирует собственное суждение, описывающее установку Бебеля таким образом, с которым сам Бебель наверняка бы не согласился. Ведь приписываемой установкой в данном случае оказывается установка *воображает, будто*. Тем самым пример Фреге демонстрирует допустимость при определенных обстоятельствах замены говорящим терминов, которыми свою установку охарактеризовал бы сам агент. Более того, такая замена при переходе от 1) к произносимому суждению очевидным образом осуществляется говорящим в риторических целях с тем, чтобы отсечь перед лицом слушателя всякую возможность правоты Бебеля.

В рамках данного исследования мы намерены продвинуться в изучении подобных случаев, допускающих замену терминов при передаче говорящим пропозициональной установки другого агента в форме косвенного контекста. Однако фокус нашего внимания будет смещен с замены терминов, характеризующих тип установки, на случаи замены терминов, характеризующих непосредственно само содержание описываемой установки, причем осуществляются такие замены говорящим с риторической целью.

Тем не менее определение таких риторических *de re*, данное во введении, немедленно наталкивается на возражение: не является ли любое приписывание установки *de re* (относительно какого-либо выражения в сфере действия интенционального предиката) «риторическим» в нашем смысле? Не будет ли таковым, например, высказывание (3) с учетом того, что древние астрономы не отождествляли вечернее и утреннее явление Венеры (ср.: Фреге, 2000)? Ведь и здесь термин *Вечерняя Звезда* употреблен в таком месте, где сами древние астрономы употребили бы свой эквивалент термина *Утренняя Звезда*.

(3) Древние астрономы думали, что Вечерняя Звезда видна утром.

Наш ответ на это возражение состоит из двух частей. Во-первых, не во всех случаях приписывания установок *de re* используемое обозначение недоступно самому носителю установки, то есть не могло бы быть использовано им самим. Например, произнося *Древние астрономы думали, что Утренняя Звезда видна утром*, я произношу нечто истинное одновременно *de re* и *de dicto* — то есть одновременно относительно объекта, который и я мог бы назвать Утренней Звездой, и с учетом того, как выразили бы свое убеждение сами древние. Такие случаи в дальнейшем рассматриваться не будут.

Во-вторых, верно, что уже в примере (3) дескриптивное содержание, ассоциируемое с именем *Вечерняя Звезда*, отличается от мыслимого в имени *Утренняя Звезда* (откуда, по Г. Фреге, и различия в «познавательной ценности» высказываний, различающихся этими именами). Но мера, в которой такое дескриптивное содержание оказывается частью значения, передаваемого конкретным высказыванием, то есть в которой оно влияет на наше согласие с высказыванием, на готовность трактовать его как истинное или ложное, различна. При интерпретации *de*

dicto это содержание прямо приписывается носителю установки как часть его ментального состояния — выбор выражения, по Фреге, показывает «способ данности» предмета мысли (в этом случае — носителю установки). Но даже при интерпретации *de re* в примере (3) слушающий может трактовать компонент значения ‘то, что видно вечером’ по-разному. При одной из возможных трактовок этот компонент будет понят как значимый для передачи убеждения древних астрономов — например, как если бы утверждалось, что они использовали пусть не эту, но какую-то связанную дескрипцию. Тогда выбор обозначения *Вечерняя Звезда* — это не точная передача ментального состояния древних, но «подсказка», по которой слушающий может опознать некоторые важные для целей разговора его аспекты (приблизительно в том смысле, в каком К. Бах (Bach, 1997) утверждает, что высказывания об установках призваны не передавать ментальные состояния в точности, а указывать на релевантные на текущий момент стороны этих состояний в отличие от тех, которых носитель установки не имеет). Однако этот же компонент может трактоваться как лишь наводящий слушающего на правильную идентификацию «вещи», *res*, на которую, по мнению говорящего, было направлено убеждение древних. Здесь ни в какой мере не утверждается, что древние думали об этом объекте как о ‘том, что видно вечером’ или хотя бы сходным образом или даже что они думали так о чем-либо — что в их распоряжении было понятие, передаваемое по-русски как ‘то, что видно вечером’ или подобное ему. (Здесь подходящей аналогией будут уже не взгляды Фреге или Баха, а распространенная среди последователей Дж. Ст. Милля, таких как Н. Салмон (Salmon, 1989), точка зрения на дескриптивные термины, согласно которой термин вносит в значение предложения, куда входит, только свой референт.)

Граница между этими случаями не является четкой; более того, вероятно, как раз ее нечеткость позволяет использовать приписывание установок *de re* риторически — как средство убеждения, пользуясь недоопределенностью, которая при этом возникает. Можно сказать, что наше исследование стремится внести вклад в изучение «континуума интеграции» содержания термина в приписываемое носителю ментальное состояние — в особенности прагматических оснований для тех употреблений, которые составляют «дальний», описанный последним концом этого континуума. Обсуждение таких употреблений уводит от фрегевского вопроса об информации, которой располагает носитель установки, и от вопросов об условиях истинности высказываний об установках к вопросу об условиях их приемлемости.

2. *De re* и знакомство

В известном примере Э. Сосы (Sosa, 1970) младший командир передает своему солдату приказ старшего командира в следующей форме:

(4) Шорти, они хотят, чтобы первым пошел ты.

При этом старший офицер не имеет представления о том, кто именно служит под началом младшего, и хочет только, чтобы самый низкорослый солдат пошел первым, — допустим, этого требует в конкретном случае военная наука.

Этот пример трактовался как самим автором, так и последующей традицией как демонстрация того, что должно быть ослаблено или оснащено исключениями правило, согласно которому установка *de re* может быть приписана агенту только тогда, когда говорящий признаёт между агентом — носителем установки и предметом этой установки отношение эпистемического знакомства. Это отношение и его место в эпистемологии понимаются в таких случаях по примеру классической статьи Б. Рассела (Russell, 1910). Однако в той же статье Рассел утверждает, что подлинное, когнитивно насыщенное знакомство с вещью — явление редкое. Тем не менее наш способ говорить о вещах в естественном языке, в частности приписывание установок *de re*, выглядит так, как если бы знакомство было легко возможно, и в обыденном языке мы не используем разные способы выражения в ситуациях, когда знакомство по-расселовски подлинное и когда оно не дотягивает до этого стандарта.

Но верна ли вообще характеристика интерпретаций *de re* как обязательно связанных со знакомством? Выше мы уже заметили, что пример Сосы намечает два пути модификации этого условия. Во-первых, можно сказать, что такое знакомство обыкновенно имеет место при интерпретациях *de re*, но в данном случае (а точнее, во всех случаях, имеющих с примером Сосы существенные общие признаки) не работает. Здесь требование знакомства отменяется или ослабляется до требования знакомства с тем, кто знаком с *res*, — знакомства старшего командира с младшим. Во-вторых, можно сказать, что никакого требования знакомства и в общем случае не существует, а ситуации, в которых приписывание установки *de re* возможно и знакомство есть, являются лишь частными проявлениями какого-то другого принципа, который руководит таким приписыванием.

Второй путь получил уже некоторое освещение в литературе. В последние десятилетия вышел целый ряд публикаций, посвященных «нестандартным» интерпретациям *de re*, то есть таким, в которых *res* является не индивид, а свойство или пропозиция (как в том варианте интерпретации примера (2), где Маша не знала, что главой японского государства является император). Авторы некоторых из этих публикаций обращали внимание на тот факт, что загадка таких интерпретаций разрешается, если отказаться от дихотомии «*de dicto* — *de re*» и считать, что эти интерпретации отличаются от обычных *de dicto* не семантически, а прагматически ((Schwager, 2009; Sudo, 2014; Tiskin, 2016; Blumberg, Lederman 2021), не считая более ранних упоминаний сходных идей, таких как (van Fraassen 1979; Parikh 1998)). Эти публикации на разный лад предполагают, что нормы коммуникации позволяют иногда использовать вместо истинного высказывания об установке *de dicto* другое высказывание об установке *de dicto*. Или даже иначе: вместо истинного высказывания об одной установке *de dicto* высказывание о другой установке *de dicto*. Такие замены, как утверждается, проходят, если эти приписывания контекстно эквивалентны друг другу.

Чтобы указать на интересующий нас смысл контекстной эквивалентности, представим себе, что нам известно, что Маша и Петя — супруги, которые живут вместе и никогда не разлучаются. Тогда если нам говорят: *Алла сейчас в гостях у Маши*, это высказывание несет для нас ту же информацию о ситуации, что и высказывание *Алла сейчас в гостях у Пети*. Будь нам неизвестно, что Маша и Петя живут вместе, то есть будь для нас возможные миры, где это не так, неисключенными возможностями, вклад этих высказываний в наше информационное состояние был бы различен сообразно их собственно-языковому значению. Однако на усеченном множестве миров, соответствующем нашим фоновым знаниям, эти два высказывания, отсекая миры, где Алла не в гостях у Маши / Пети, оставляют в качестве альтернативных возможностей одно и то же множество миров.

Возьмем теперь пример Сосы (4). Пусть и младшему командиру, и Шорти известно, что Шорти — самый низкорослый в подразделении. Кроме того, ясно, что если старший офицер отдает приказ (пусть даже он описан как «желание»), то придется подчиниться. Тогда и для Шорти, и для младшего командира узнать, что старший командир желает, чтобы первым пошел самый низкорослый (кто бы он ни был), и узнать, что старший командир желает, чтобы пошёл Шорти, — одно и то же. И для Шорти, и для младшего командира эти два описания желания старшего командира оказываются контекстно эквивалентны даже в том случае, если для самого старшего командира желать этих двух вещей — это вовсе не одно и то же.

Этот коммуникативный эффект нуждается в объяснении, и оно заключается в следующем. Ясно, что *чтобы самый низкорослый пошел первым* и *чтобы Шорти пошел первым* задают различные классы возможных миров, где они выполняются, поскольку в разных возможных мирах различные солдаты являются самыми низкорослыми в подразделении. Однако если мы заранее проигнорируем — фактически выбросим из универсума — те миры, в которых самый низкорослый не Шорти (ведь и мы, и адресат знаем, что это Шорти, так что остальные альтернативы для нас контекстуально нерелевантны), то эти две пропозиции будут задавать на урезанном универсуме одно и то же множество миров!

Со стандартной теоретико-модельной точки зрения такое усечение говорящим (в данном случае — младшим командиром) универсума возможных миров выглядит небезупречно. Ведь пропозициональная установка приписывается старшему командиру, поэтому ее содержанию должен соответствовать класс миров, докрасически достижимых именно для старшего командира. Если же содержание его установки характеризуется младшим командиром с использованием самовольного усечения универсума достижимых альтернатив, то получающееся в результате описание установки старшего командира оказывается попросту ложным в теоретико-модельном смысле суждением.

Однако дело в том, что прагматической целью младшего командира в описываемом акте коммуникации является не точная передача содержания пропозициональной установки старшего командира, а пере-

дача приказа, то есть склонение адресата к действию. И для достижения этой прагматической цели произнесение (4) контекстуально оказывается вполне приемлемым, эффективным и достаточным средством, что как бы легитимирует факт игнорирования младшим командиром заведомо нерелевантных альтернатив в рамках данного акта коммуникации.

Недавняя работа (Blumberg, Lederman, 2021) уточняет механизм такого игнорирования, утверждая, что игнорируются миры, соответствующие неправильным ответам на некоторый актуальный в контексте вопрос. В нашем случае этим вопросом может быть *Кто самый низкорослый солдат в подразделении?* Однако затем авторам приходится усложнить предложенный ими механизм с учетом того обстоятельства, что ответ, который полагает верным носитель установки, может не совпадать с тем, который ему приписывает говорящий. Тем не менее мы вынуждены отвлечься от этой существенной детали.

Теперь нам потребуется приложить совсем немного усилий, чтобы распространить идею игнорирования на классический пример У. Куайна (Quine, 1956):

(5) Ральф полагает, что Орткатт — шпион.

Традиционная идея, воплощенная, в частности, Д. Капланом (Kaplan, 1968), состоит в том, что семантика (5) приписывает Ральфу отношение знакомства с Орткаттом; тогда в буквальном понимании это высказывание оказывается ложным в том случае, если Ральф «недостаточно» знаком с Орткаттом. Кроме того, этот классический анализ усматривает синтаксическое различие (а также различие на уровне логической формы) между интересующей нас интерпретацией *de re* и интерпретацией *de dicto*, при которой Ральф придерживается убеждения, которое он и сам сформулировал бы как *Орткатт — шпион*.

Анализ на основании понятия контекстной эквивалентности в данном случае утверждает следующее: приписывание установки *de re* относительно Орткатта представляет собой не что иное, как приписывание установки *de dicto* на заранее усеченном множестве альтернатив. То есть на таком множестве, из которого говорящим исключены все те альтернативы, где индивид, который был в суде в такой-то момент и в таком-то месте, не есть Орткатт. Пользуясь выражением М. Кауфман (Schwager, 2009), можно сказать такое приписывание обоснованно, поскольку оно остается «соответствующим» (*faithful to*) установке Ральфа.

3. Риторический потенциал *de re*

Пока что мы выбирали между ослаблением требования знакомства для какой-то группы случаев и отказом от него с пересмотром механизма приписывания установок, обычно характеризующихся как *de re*. Нет ли третьего пути?

Чтобы говорить об этом, рассмотрим еще один пример. Предположим, я беседую с другом, который увлекается игрой на бирже, хотя и не

заработал себе этим значительного состояния. Мне представляется, что деятельность эта рискованная, и я, вспомнив недавно прочитанный прогноз, говорю:

(6) Всемирный банк полагает, что ты можешь обанкротиться в следующем году.

Разумеется, Всемирный банк не обращает внимания на отдельных игроков вроде моего друга, поскольку их индивидуальное влияние на экономику ничтожно. Маловероятно также, чтобы прогноз выглядел как *Возможно, что все мелкие биржевые игроки обанкротятся в следующем году*, откуда *Возможно, что мой друг обанкротится в следующем году* следовало бы логически при допущении о том, что мой друг — мелкий биржевой игрок. Такой прогноз был бы, пожалуй, слишком смел. Реалистично допустить, что прогноз имел вид *Для любого мелкого биржевого игрока возможно, что он обанкротится в следующем году*. Из содержания этого убеждения при (неизвестном банку, но известном мне и не противоречащем убеждениям банка) допущении, что мой друг — мелкий биржевой игрок, также следует: *Возможно, что мой друг обанкротится в следующем году*. Тем не менее говорю я не это: я не просто говорю, что если бы убеждение банка было истинно, то из него при некотором допущении следовало бы *Возможно, что мой друг обанкротится*. Вместо это я приписываю это последнее в качестве убеждения самому Всемирному банку, который и не знаком с моим другом, и не имеет для него подходящего индивидуального концепта или даже убеждения насчет того, что он существует¹. Лгу ли я в таком случае, произнося (6)?

Наше предположение состоит в том, что такой выбор способа передать установку Всемирного банка имеет целью произвести на слушателя особый риторический эффект, направленный на повышение убедительности приводимых доводов к действию. Почему приписывание банку установки специфически относительно моего друга может иметь такой эффект по сравнению с буквальной передачей прогноза? Ведь из содержания корректно переданного прогноза Всемирного банка друг и сам мог бы без труда заключить, что ему как мелкому биржевому игроку угрожает опасность банкротства.

Это так, и все же хорошо известна ограниченная рациональность типичного носителя установок: так, математик может иметь на руках все аксиомы и правила вывода, используемые в той или иной теории, и все же не видеть до поры ни интересной теоремы, ни пути ее доказательства (см. в том числе: Egré, 2014). Аналогичным образом человек, принимающий важное практическое решение, может быть осведомлен обо всех существенных обстоятельствах и все-таки не догадаться о какой-то связи, которая должна была бы играть в его решении существенную роль. В отдельных случаях мы можем иметь убеждение относительно какого-то множества и не отдавать себе отчета в том, что оно

¹ Последнее требовалось бы, чтобы он имел хотя бы убеждение *de dicto*, составной частью которого было бы понятие о моем друге.

применимо к важному для нас элементу этого множества. Наконец — это близко к нашему случаю — мы можем просто не знать о существовании этого элемента. Распространится ли наше убеждение обо всех элементах множества и на этот новый для меня элемент, когда мы о нем узнаем? Не при всяком способе обновления убеждений. Например, если наше убеждение относительно всех зиждется не на вере в общий закон, охватывающий их все, а на частных данных про каждый из них, то новый элемент совсем не обязан подпасть под то же обобщение. В этом случае общий для множества закон не имеет никакого обоснования, опирающегося на общие же соображения, а вытекает только из перебора элементов множества. Естественно, тогда ничто не мешает отказаться от закона, если в множестве появится элемент с другими свойствами². Кроме того, не все рассуждения монотонны: бывает так, что рассуждение принимается за верное *ceteris paribus* — до тех пор, пока мы не узнаем о том, что перед нами исключительный случай, который как бы отменяет связь между посылкой и заключением. Вот и Всемирный банк, — может рассудить наш собеседник, — узнав о нем, может быть, переменяет свой прогноз или почему-нибудь сделал для него «немонотонное» исключение. Преподнося прогноз банка как высказанный о конкретном лице, мы исключаем для него возможность такого сомнения, точнее (все-таки возможно, что он разгадает наш маневр), снижаем его вероятность.

Таким образом, мы полагаем, что в случае успешности коммуникации в описанном сценарии на собеседника будет произведен особый риторический эффект. Это сближает использование риторических *de re*, не предполагающих знакомства и даже знания носителя установки о предмете данной установки, с риторическими приемами, которыми пестрят пособия по критическому мышлению³. Но такое решение оставляет в стороне вопрос об истинности (6) в описанной ситуации. Теории неканонических *de re*, апеллирующие к контекстной эквивалентности, могли бы отстаивать буквальную истинность сказанного, пусть и в специфическом режиме интерпретации — на неполном универсуме возможных миров, из которого устранены некоторые миры, в действительности входящие в число докастических альтернатив, достижимых для Всемирного банка. Например, такие, где моего друга не существует или он не играет на бирже. Другие варианты — это счесть, что в (6) я высказал нечто истинное, но истинное не буквально, а, допустим, метафорически, либо счесть, что я высказал лишь нечто ложное. В последнем случае прием с заменой интенционального объекта трактуется уже не просто как риторическое ухищрение, а как прямая ошибка: ведь я осуществил замену терминов внутри интенционального контекста, — или как сознательная уловка в том случае, если я осознавал, что озвучиваемый мною вывод, вообще говоря, не следует из известных мне посылок.

² Это напоминает представления Д. Юма и Д. Льюиса о законах природы, см.: (Lewis, 1981).

³ См., напр.: (Bowell, Cowan, Kemp, 2019, ch. 2), где риторические приемы определяются как способы убеждения, не предполагающие рациональной аргументации.

4. *De re* и практическая аргументация

Чем тогда измерить границы дозволенного в употреблении примеров типа (6)? С прагматической точки зрения требование поддержания истинности произносимого не является единственным критерием дозволенного. Как уже было отмечено, одна из теорий *de re*, основанных на контекстуальной эквивалентности, скорее оперирует понятием «соответствия» ментальному состоянию носителя установки⁴ (*faithfulness*, см.: (Schwager, 2009)), а как соответствующее в разных ситуациях может быть воспринято разное — и необязательно буквально истинное. Впрочем, возможность «переключения» восприятия высказывания об установке *de re* как истинного на восприятие этого же высказывания в качестве ложного отмечалось давно (Quine, 1956; Aloni, 2001).

Приведем такой пример. Пусть Ральф регулярно в одно и то же время в одном и том же месте видит человека в плаще (Оркатта) и полагает, что это шпион. Мэтт и Оркатт действительно являются шпионами-напарниками. Как-то раз Мэтт, Ральф и Оркатт, в котором Ральф не узнает человека в плаще, совместно отдыхают на пляже и хорошо проводят время. Ральф рассказывает своим компаньонам о том, что он регулярно в определенном месте видит человека в плаще, которого он полагает шпионом и в отношении которого он имеет веские основания для того, чтобы сдать того властям. Мэтт и Оркатт понимают, что человек, о котором говорит Ральф, — это Оркатт. Мэтт отводит Оркатта в сторону и говорит ему:

(7) Нам следует убить Ральфа, потому что он знает, что ты шпион, и имеет основания сдать тебя властям.

Оркатт соглашается с Мэттом. Оркатт оценивает аргумент Мэтта как приемлемый, релевантный и достаточный.

Что интересно, Оркатт вполне мог бы не согласиться с Мэттом и сказать:

(8) Ничего подобного, Ральф не знает, что я шпион, и не имеет оснований сдать меня властям, поэтому у нас нет оснований его убивать.

Г. Фреге пишет по схожему поводу следующее:

Кажется, почти всегда мы соединяем с главной мыслью, которую мы выражаем, сопутствующие, побочные мысли, которые, хотя они и не выражаются в языке, по законам психологии слушатель связывает с нашими словами. Поскольку они сами по себе часто оказываются связанными с нашими словами почти так же тесно, как и сама главная мысль, возникает желание считать их также содержащимися в предложении. Тем самым смысл предложения становится богаче, и, пожалуй, может статься, что мы будем иметь больше простых мыслей, чем простых предложений. В одних

⁴ На это обстоятельство наше внимание в свое время обратил Т. Э. Циммерман.

случаях данное предложение надо понимать так, как мы описали выше, а в других случаях может возникнуть сомнение, относится ли побочная мысль к смыслу предложения или только сопутствует ему (Фреге, 2000, с. 244).

Развивая эти идеи, мы могли бы сказать, что в некоторых случаях оказывается столь же трудно определить, сопутствует ли та или иная мысль смыслу данного предложения или не сопутствует. В нашем случае — сопутствует ли устойчивым образом предложению *Ральф знает, что ты шпион* мысль ‘Ральф способен опознать тебя по лицу в качестве шпиона’? Как кажется, в данном случае никаких устойчивых коннотаций нет, что делает истинностную оценку соответствующего предложения ситуативной и в строгом смысле даже проблематичной.

Однако, на наш взгляд, то, что происходит в случае разногласия между Мэтгом и Оркаттом, — это вообще не расхождение в оценке истинностного значения произнесенного Мэтгом высказывания, а расхождение в оценке приемлемости предъявленного Мэттом практического аргумента. Ведь и Мэтт, и Оркатт знают все релевантные факты, оба в равной мере являются носителями языка, а потому не могли бы так грубо расходиться в оценке истинностных значений. Оценка истинностного значения высказывания — это не то, что Мэтт и Оркатт проделывают в данном случае. Скорее они оценивают риски провала их операции и совместно решают, что им следует делать в этой ситуации.

Что же до истинностной оценки интенционального контекста, входящего в (7), то она оказывается зависимой от модели оценивания, значимые параметры которой (условия истинности для модальных контекстов) могут отличаться от агента к агенту. Агенты — Мэтт и Оркатт — здесь выступают в качестве своеобразных «носителей моделей». Как следствие, агенты, используя различные модели оценивания, потенциально способны расходиться между собой в истинностных оценках риторических *de re*, даже располагая одинаковым набором известных им фактов. Ведь факты-то им известны, но даже им самим может быть до поры до времени неизвестна используемая каждым из них модель истинностного оценивания некоторых модальных контекстов. Тем самым каждому из них может быть до поры до времени неизвестно, что они понимают под термином *знает* и каким образом они склонны его употреблять. И только на опыте и, быть может, даже в диалоге, а то и в дискуссии агенты вдруг обнаруживают себя придерживающимися того или иного критерия знания в явном виде. И все же подобного рода семантическая казуистика, переводящая содержательную дискуссию в семантическое русло, как правило, не свойственна реальным агентам в практике повседневной коммуникации.

Другой критерий приемлемости риторических *de re*, подсказываемый теориями типа (Blumberg, Lederman, 2021), — это коммуникативная успешность. Под такого рода успешностью мы понимаем произведение на адресата того же эффекта и достижение того же прагматического результата, к которому привело бы произнесение истинного в теоретико-модельном смысле высказывания в интерпретации *de dicto*.

Частным случаем такого воздействия будет достижение желаемого убеждающего эффекта, к тому же таким способом, который адресат, если бы впоследствии у него была возможность оценить состоявшуюся коммуникацию не торопясь и имея в распоряжении все фактические детали, счел бы не совсем нечестным, даже если и несколько неряшливым. Возможно, особенно легко закрыть глаза на небольшую «натяжку» (такую, как отсутствие у Маши знания о том, что Нарухито — именно император, или у банка — о том, что мой друг существует и играет на бирже) в случаях практической аргументации. Ведь целью практической аргументации заведомо является не столько формирование у собеседника определенного убеждения, сколько формирование у него намерения осуществить то или иное действие.

В связи с этим полезно уделить особое внимание интерпретациям *de re* для высказываний с деонтической модальностью, которая обыкновенно не описывается как «агентная», то есть необходимо связанная с ментальным состоянием (убеждением, желанием, опасением) того или иного агента. Хотя у нормы вполне может быть автор, но возможные расхождения между представлениями о фактах мира у автора нормативного кодекса и тех, кто будет его исполнять, нечасто попадают в сферу внимания теоретиков. Тем не менее неоднозначности, по форме сходные с высказываниями об убеждениях, есть и здесь. Допустим, в рамках дискуссии о необходимости вакцинации (ср. также: Фролов, 2022) говорящий произносит (9):

(9) Для скорейшего достижения коллективного иммунитета требуется, чтобы ты сделал прививку.

Наиболее естественная интерпретация таких примеров состоит не в том, что тот или иной нормативный кодекс, будь он писанный или неписанный, прямо упоминает конкретного индивида (адресата). Более того, в случае (9) вакцинация конкретного индивида даже не является необходимым условием достижения цели (коллективного иммунитета), с видом на которую строится кодекс: при достаточной доле вакцинированных в обществе остальным вакцинироваться может быть необязательно, так что если вакцинируются другие, то слушающий может и не иметь такого обязательства! Практически в (9) мы имеем дело с логически неоправданной инстанциацией в высказывании *Для скорейшего достижения коллективного иммунитета большинство [или: 80 % и т. д.] населения должно как можно скорее сделать прививку*. Тем не менее (9) вполне может быть принято рациональным оппонентом в качестве приемлемого, релевантного и достаточного аргумента в споре о необходимости лично для него вакцинироваться⁵.

Другой пример того же рода. Пусть в рамках телевизионной дискуссии о политической ситуации в Руритании один из собеседников произносит (10):

⁵ Возможно, эффект приемлемости возникает в силу приемлемой скрытой посылки: *Обязательное для одного в обществе равных является обязательным для другого*.

(10) Проблема в том, что нынешнее избирательное законодательство Руритании запрещает наиболее популярному оппозиционному кандидату в этой стране участвовать в ближайших выборах.

В (10) может иметься в виду, что закон Руритании запрещает участвовать в выборах людям с криминальным прошлым, а наиболее популярный в Руритании оппозиционный кандидат как раз относится к такой категории граждан. Соответственно, содержание нормы (его можно представить в виде множества возможных миров, не нарушающих ее, то есть таких, где ни один индивид с криминальным прошлым не участвует в выборах в Руритании) здесь накладывается на единичный факт актуального мира, известный и говорящему, и его адресату (факт того, что наиболее популярный в Руритании оппозиционный кандидат имеет криминальное прошлое). Такое наложение создает из общей нормы частную, которая в представленном в (10) виде заведомо отсутствует в руританском законодательстве. И вновь мы возвращаемся к вопросу о том, являются ли такого рода подстановки терминов в интенциональных контекстах допустимыми или же их следует относить к числу риторических манипуляций.

Заключение

Наш ответ на этот вопрос заключается в следующем. Мы полагаем, что выбор говорящим в пользу риторических приписываний установок *de re* как формы выражения собственных мыслей, как правило, не преследует в качестве руководящей прагматической цели сообщить адресату безупречно истинное в теоретико-модельном смысле суждение и тем самым породить у него истинное убеждение. (Поэтому в интерпретации высказываний об установках существуют и иные проблемы помимо эпистемологических и собственно семантических, пионерами в обсуждении которых были Фреге, Рассел и Куайн.) Но такой выбор не преследует целью и сообщить адресату и заведомо ложное суждение и тем самым породить у него ложное убеждение! Ни говорящего, ни его адресата в контексте коммуникативной практики не интересует оценка истинностного значения произносимых ими суждений, но интересует оценка *приемлемости* таких суждений в качестве практических доводов. Именно такую оценку каждая из сторон и осуществляет в ходе коммуникации, полностью отвлекаясь от вопроса о теоретико-модельном истинностном значении используемых выражений. Соответственно, ответ на вопрос о том, является ли тот или иной случай риторического приписывания *de re* уловкой и манипуляцией, зависит не от того, является ли такое суждение заведомо ложным для говорящего, а от того, является ли оно заведомо *неприемлемым* для говорящего. В случае если сам говорящий оценивает приводимый им довод в качестве приемлемого, нет никаких оснований признавать такое коммуникативное воздействие уловкой или манипуляцией вне зависимости от того, каково теоретико-модельное истинностное значение произнесённого суждения.

Исследование Д. Б. Тискина поддержано Российским научным фондом (проект № 22-18-00591 «Прагмасемантика как интерфейс и операционная система смыслообразования», реализуемый в БФУ им. И. Канта, <https://rscf.ru/project/22-18-00591/>).

Исследование К. Г. Фролова поддержано Российским научным фондом (проект № 23-28-00981 «Практическая аргументация: модели и оценка», реализуемый НИУ ВШЭ, <https://rscf.ru/project/23-28-00981/>).

Благодарим И. Б. Микиртумова за ценные замечания к тексту статьи.

Список литературы

Долгоруков В. В. Логико-эпистемический статус прагматических ограничений: теоретико-игровой подход : дис. ... канд. филос. наук. М., 2015.

Фреге Г. О смысле и значении // Фреге Г. Логика и логическая семантика / пер. с нем. Б. В. Бирюкова ; под ред. З. А. Кузичевой. М., 2000. С. 230–246.

Фролов К. Г. О модели Бенч-Капона для структуры аргументации, основанной на ценностях // Логико-философские штудии. 2022. Т. 20, № 4. С. 447–455.

Aloni M. Quantification under conceptual covers : PhD thesis. Amsterdam, 2001.

Vach K. Do Belief Reports Report Beliefs? // Pacific Philosophical Quarterly. 1997. Vol. 78. P. 215–241.

Blumberg K., Lederman H. Revisionist Reporting // Philosophical Studies. 2021. Vol. 178. P. 755–783.

Bowell T., Cowan R., Kemp G. Critical Thinking: A Concise Guide. 5th ed. Abington ; N. Y., 2020.

Demirok Ö. Scope Theory Revisited: Lessons from pied-piping in wh-questions: PhD thesis. Cambridge MA, 2019.

Egré P. Hyperintensionality and *De Re* Beliefs // Epistemology, Context, and Formalism / ed. by F. Lihoreau, M. Rebuschi. N. Y., 2014. P. 213–243.

Fodor J. D. The Linguistic Description of Opaque Contents: PhD thesis. Cambridge MA, 1970.

Fraassen B. van. Propositional Attitudes in Weak Pragmatics // Studia Logica. 1979. Vol. 38. P. 365–374.

Kaplan D. Quantifying in // Synthese. 1968. Vol. 19. P. 178–214.

Kripke S. A. Naming and Necessity. Cambridge MA, 1980.

Lewis D. Are We Free to Break the Laws? // Theoria. 1981. Vol. 47. P. 113–121.

Parikh R. Propositions, Propositional Attitudes and Belief Revision // Advances in Modal Logic. 1998. Vol. 2. P. 381–400.

Percus O. Index-Dependence and Embedding // The Wiley Blackwell Companion to Semantics / ed. by D. Gutzmann [et al.]. Wiley-Blackwell, 2021. doi: 10.1002/9781118788516.sem096.

Quine W. V. O. Three Grades of Modal Involvement // Proceedings of the XIth International Congress of Philosophy. Amsterdam, 1953. Vol. 14. P. 65–81.

Quine W. V. O. Quantifiers and Propositional Attitudes // Journal of Philosophy. 1956. Vol. 53. P. 177–187.

Russell B. Knowledge by Acquaintance and Knowledge by Description // Proceedings of the Aristotelian Society. 1910. Vol. 11. P. 108–128.

Salmon N. How to Become a Millian Heir // Noûs. 1989. Vol. 23, № 2. P. 211–220.

Schwager M. Speaking of Qualities // Proceedings of SALT. 2009. Vol. 19. P. 395–412. doi: 10.3765/SALT.V19I0.2534.

Schwarz F. Situation Pronouns in Determiner Phrases // Natural Language Semantics. 2012. Vol. 20. P. 431–475.

Sosa E. Propositional Attitudes *De Dicto* and *De Re* // Journal of Philosophy. 1970. Vol. 67. P. 883–896.

Sudo Y. On *De Re* Predicates // Proceedings of WCCFL. 2014. Vol. 31. P. 447–456.

Tiskin D. Conditional Attitude Ascription // Epistemology and Philosophy of Science. 2016. Vol. 50. P. 74–93.

Об авторах

Даниил Борисович Тискин, кандидат философских наук, научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия; доцент, департамент социологии, НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: daniel.tiskin@gmail.com

Константин Геннадьевич Фролов, кандидат философских наук, научный сотрудник, Международная лаборатория логики, лингвистики и формальной философии НИУ ВШЭ, Москва, Россия.

E-mail: kgfrolov@hse.ru

Для цитирования:

Тискин Д. Б., Фролов К. Г. Приписывание пропозициональных установок *de re* как средство убеждения // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №4. С. 73–90. doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-4.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ATTRIBUTION OF *de re* PROPOSITIONAL ATTITUDES
AS A MEANS OF PERSUASION

D. B. Tiskin¹, K. G. Frolov²

¹Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 Aleksandra Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia
National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg,
16 Soyuzna Pechatnikov St., Saint Petersburg, 190121, Russia

²National Research University Higher School of Economics,
11 Pokrovsky Blvd., Moscow, 109028, Russia

Submitted on 28.03.2023

Accepted on 17.06.2023

doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-4

By de re propositional attitude ascription for rhetorical purposes, we will understand uttering a modal statement wherein the speaker deliberately uses a description of the attitude's object which she knows to be unavailable to the attitude holder. As the existence of rhetorical de re is revealed, it gives rise to two questions that will be the primary concern of the present paper. (1) Using a rhetorical de re ascription, does the speaker utter something false in the model-theoretic sense? (2) Would it be justified to classify rhetorical de re as a rhetorical ploy designed to, or naturally predisposed to, mislead the addressee? This paper argues that the first question can be answered positively but the second one should receive a negative answer. We show that the question of whether a certain instance of rhetorical de re is a ploy or act of manipulation should be answered depending not on whether the statement is clearly false for the speaker but on whether it is clearly unacceptable for the speaker. In case the speaker herself considers the argument made by means of the statement acceptable, there is no reason to denounce such a communicative act as a ploy or manipulation irrespective of which model-theoretic truth-value the statement has. There are therefore reasons to incorporate rhetorical considerations into the modelling of how attitude reports are interpreted, in addition to considerations of truth and epistemological aspects, championed by Frege.

Keywords: semantics, propositional attitudes, intentional contexts, practical reasoning, truth, acceptability

Daniel Tiskin's research is supported by the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00591 "Pragmasemantics as an Interface and Operational System of Meaning Production" carried out at the Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia), <https://rscf.ru/project/22-18-00591/>.

Konstantin Frolov's research is supported by the Russian Science Foundation, project no. 23-28-00981 "Practical Argumentation: Models and Evaluation" carried out at the National Research University Higher School of Economics, <https://rscf.ru/project/23-28-00981/>.

The authors wish to express their gratitude to Prof. Ivan Mikirtumov for his valuable input on the manuscript.

References

Aloni, M., 2001. *Quantification under conceptual covers*. PhD thesis. ILLC, University of Amsterdam.

Bach, K., 1997. Do Belief Reports Report Beliefs? *Pacific Philosophical Quarterly*, 78, pp. 215–241.

Blumberg, K. and Lederman, H., 2021. Revisionist Reporting. *Philosophical Studies*, 178, pp. 755–783, <https://doi.org/10.1007/s11098-020-01457-4>.

Bowell, T., Cowan, R. and Kemp, G., 2020. *Critical Thinking: A Concise Guide*. 5th ed. Routledge.

Demirok, Ö., 2019. *Scope Theory Revisited: Lessons from pied-piping in wh-questions*. PhD thesis. Massachusetts Institute of Technology.

Dolgorukov, V. V., 2015. *Logiko-epistemicheskii status pragmaticheskikh ogranichenii: teoretiko-igrovoi podkhod* [The Logico-Epistemological Status of Pragmatic Constraints: A Game-Theoretical Approach]. PhD Dissertation. Moscow: Higher School of Economics (in Russ.).

Egré, P., 2014. Hyperintensionality and *De Re* Beliefs. In: F. Lihoreau and M. Rebuschi, eds. *Epistemology, Context, and Formalism*. New York: Springer, pp. 213–243, https://doi.org/10.1007/978-3-319-02943-6_13.

Fodor, J. D., 1970. *The Linguistic Description of Opaque Contents*. PhD thesis. Massachusetts Institute of Technology.

Fraassen, B. van, 1979. Propositional Attitudes in Weak Pragmatics. *Studia Logica*, 38, pp. 365–374.

Frege, G., 2000. On sense and denotation. In: B. V. Biryukov and Z. A. Kuzicheva, eds. *Gottlob Frege. Logika i logicheskaya semantika* [Gottlob Frege. Logic and logical semantics]. Moscow, pp. 230–246 (in Russ.).

Frolov, K. G., 2022. On the Bench-Capon Value-Based Argumentation Framework. *Logiko-filosofskie studii* [Logico-Philosophical Studies], 20 (4), pp. 447–455, <https://doi.org/10.52119/LPHS.2022.33.41.006> (in Russ.).

Kaplan, D., 1968. Quantifying in. *Synthese*, 19, pp. 178–214.

Kripke, S. A., 1980. *Naming and Necessity*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Lewis, D., 1981. Are We Free to Break the Laws? *Theoria*, 47, pp. 113–121.

Parikh, R., 1998. Propositions, Propositional Attitudes and Belief Revision. In: *Advances in Modal Logic*. Vol. 2, pp. 381–400.

Percus, O., 2021. Index-Dependence and Embedding. In: D. Gutzmann et al., eds. *The Wiley Blackwell Companion to Semantics*. <https://doi.org/10.1002/9781118788516.sem096>.

Quine, W. V. O., 1953. Three Grades of Modal Involvement. In: *Proceedings of the XIth International Congress of Philosophy*. Vol. 14. Amsterdam: North Holland, pp. 65–81.

Quine, W. V. O., 1956. Quantifiers and Propositional Attitudes. *Journal of Philosophy*, 53, pp. 177–187.

Russell, B., 1910. Knowledge by Acquaintance and Knowledge by Description. *Proceedings of the Aristotelian Society*, 11, pp. 108–128.

- Salmon, N., 1989. How to Become a Millian Heir. *Noûs*, 23 (2), pp. 211–220.
- Schwager, M., 2009. Speaking of Qualities. In: *Proceedings of SALT 19*, pp. 395–412, <https://doi.org/10.3765/SALT.V19I0.2534>.
- Schwarz, F., 2012. Situation Pronouns in Determiner Phrases. *Natural Language Semantics*, 20, pp. 431–475, <https://doi.org/10.1007/s11050-012-9086-1>.
- Sosa, E., 1970. Propositional Attitudes De Dictu and De Re. *Journal of Philosophy*, 67, pp. 883–896.
- Sudo, Y., 2014. On De Re Predicates. In: *Proceedings of WCCFL*, 31, pp. 447–456.
- Tiskin, D., 2016. Conditional Attitude Ascription. *Epistemology and Philosophy of Science*, 50, pp. 74–93, <https://doi.org/10.5840/eps201650470>.

The authors

Daniel B. Tiskin, Research fellow, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia; assistant professor, National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: daniel.tiskin@gmail.com

Konstantin G. Frolov, Postdoctoral researcher, International Laboratory for Logic, Linguistics and Formal Philosophy, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.

E-mail: kgfrolov@hse.ru

To cite this article:

Tiskin, D.B., Frolov, K.G., 2023, Attribution of *de re* propositional attitudes as a means of persuasion, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 14, no. 4, pp. 73–90. doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-4.

